

interiors

83
2023

the best

e-magazine

| SPHEULPIN.FREE.FR |

поговорил со скульптором Михаил Куракин.

Не пытайтесь повторить

Скульптор Simone Pheulpin считает, что процесс ее работы полностью интуитивный и доведен до автоматизма в руках. Она не хочет никого учить, ценя свободу, а обучение предполагает обязательства перед учениками.

Я использую обыкновенный холст, превращая его в благородный материал для создания скульптур. Эта ткань используется для изготовления одежды, сумок и прочего бытового текстиля. В домах моды из него шьют модели по размерам клиентов, прежде чем заменить эту ткань на более ценные материалы. Мое знакомство с холстом началось с детских игр. Я выросла в регионе Вогезы на востоке Франции. Там было множество текстильных предприятий, и одно из них в нашем поселке. Мы ходили смотреть, как работают наши родители, играли с обрезками ткани. Я мастерила из лоскутков платья для кукол. Это было военное время, и женщины шили одежду для членов своей семьи. Тогда это было нормальным занятием. Я ничего не имею против домохозяек, но моя деятельность совершенно не вписывается в традиционное представление о роли женщины в поддержании семейного очага. Я не белошвейка, я скульптор, работающий с текстилем, как другие работают с глиной, мрамором или другими материалами. Вторая встреча с холстом произошла почти случайно. Я начала делать настенные панно из ткани для комнат моих детей, где в качестве подкладки использовала холст, который придавал форму моим изделиям. Это были декоративные картины из ткани, изображавшие цветы, дома,

людей. Мои работы понравились друзьям, и они попросили сделать им такие же панно. Так я получила некоторое признание. К примеру, производитель тканей и обоев в Гренобле заказывал у меня небольшие панно, которые дарили особенно хорошим клиентам. Мне очень нравилась эта работа, это было забавно и я сохраняла полную творческую свободу. Я не обучалась рисованию, шитью или другим изобразительным искусствам. Мое желание творить было полностью интуитивным. Это была настоящая потребность выразить мои фантазии, причем именно в холсте. Я пробовала работать с другими тканями, цветами. Но именно этот кремовый цвет позволяет мне игру со светом, с тенями, с текстурами, которую я не могу найти, работая с другим материалом. До меня в такой технике не работал никто. Это была моя интуиция и непреодолимое желание творить. Я придумала эту технику. Всё, что меня связывает с профессией швей, - это ткань и булавки, которые я использую в больших количествах, для того чтобы скреплять складки и создавать формы. Я работаю с единственной французской фабрикой, которая производит стальные нержавеющие булавки. Их продукция отличается очень хорошим качеством, и я могу легко ломать или отрезать ушки булавок, так как иногда они мне мешают. Эти булавки не гнутся и достаточно тонкие, чтобы хорошо проткнуть толстую ткань.

В каждой из моих скульптур сотни незаметных булавок. Однажды, почти случайно, я сделала

Признание со стороны галерей и музеев пришло внезапно, в последние пятнадцать лет. Мне повезло в том, что мой супруг полностью поддерживал мое творчество. Он предоставил мне материальную свободу и возможность реализовать мои идеи. Сейчас у меня заказы на два года вперед.

Я мечтаю о скульптуре большого размера, которая покроет целиком стену. Меня не пугают большие размеры. Конечно, возраст дает знать, и я не вечна. Я знаю, что у меня осталось не так много времени для реализации этой мечты. Возникают и другие сложности, связанные с возрастом. Учитывая вес холста и сотен булавок, на которых держится структура, для меня становится практически невозможным работать с большими скульптурами из-за их веса. Выходом может быть только создание независимых модулей небольшого размера, из которых будет складываться большая скульптура. Мои работы прекрасно сохраняются. Я могу, конечно, судить только о сроке в пятьдесят лет. Но специалисты в текстиле утверждают, что скульптуры намного переживут меня. Возможно, через множество лет превратятся в прах булавки. Но к тому времени ткань окаменеет и будет держаться без булавок. При раскопках извлекают ткани тысячелетней давности, и они прекрасно сохранились, так что мой материал вполне хорошо переносит испытание временем.

радиографию одной из моих скульптур. Так родилась идея сделать выставку о внутреннем "почерке" моих работ. Я всегда точно знаю результат, к которому я хочу прийти. Произведение сначала рождается в моем воображении, дальше я воплощаю идею в жизнь без предварительного рисунка. Иногда ткань сопротивляется, не хочет "идти" в ту сторону, в которую я хочу ее сложить. Иногда мне удается преодолеть это сопротивление, а иногда мне приходится признать поражение. Порой мне требуется десять лет, чтобы сломить сопротивление ткани и изменить мою технику, придумать новую форму складки. Признаюсь, мне бывает обидно, когда люди смотрят мои работы и им кажется, что это легко дается. Люди не понимают сложности воплощения, игры с тенями, формами. Порой работа над большими скульптурами может длиться месяцами. Я полностью отрешаюсь от реальности, мне мешают разговоры, присутствие людей. В эти моменты мне нужно спокойствие и уединение - тогда мой разум путешествует, а руки настроены на ткань. Это как медитация. От меня требуется максимальная концентрация. Я работаю в этой технике уже 50 лет. И я не перестаю удивляться, создавать новые складки, новые способы складывать ткань и создавать формы. Мне кажется, что я была более смелой поначалу. У меня не было никакого опыта, никакого давления, я была полностью свободной и могла экспериментировать, придумывать разные формы. Сейчас мой "язык" более осознан, организован, в нём меньше спонтанности.